

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.2
EDN: JUONVY

А.В. СИМАКОВА¹, А.О. АВЕРЬЯНОВ¹, И.С. СТЕПУСЬ¹, Е.А. ХОТЕЕВА¹

¹ Петрозаводский государственный университет.
185910, Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33.

СЕВЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР СДЕРЖИВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ¹

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление социокультурных маркеров северной и арктической идентичностей молодежи, проживающей в Арктической зоне России, как составляющей территориальной идентичности. Проявления маркеров территориальной идентичности оцениваются в качестве потенциально сдерживающего фактора миграционных установок молодежи. На основе данных репрезентативного социологического опроса установлен факт сформированности территориальной идентичности. Выявлено, что наиболее выражена северная идентичность, а арктическая идентичность находится в стадии выделения из северной. Далее путем факторного анализа предложен набор из десяти маркеров идентичности для двух измерений: 1) «быть северянином» и 2) «чувство гордости и сопричастности». Установлено, что самоидентификация молодежи с Севером определяется через эмоциональную привязанность, культурно-историческую связь и принадлежность к сообществу северян. Статистически обоснована зависимость проявления набора социокультурных маркеров северной идентичности и миграционных установок молодежи. Доказано, что чем больше у молодежи проявлено маркеров идентичности, тем более активна установка «никуда не хочу уезжать». Научная новизна исследования заключается в эмпирическом обосновании значимости северной идентичности как составляющей территориальной идентичности в качестве сдерживающего фактора миграционных установок молодежи и в выделении маркеров ее сформированности в молодежной среде. Результаты исследования могут быть полезны представителям научной общественности, регионального и государственного управления, общественным организациям и объединениям, занимающимся

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 22-78-10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы».

вопросами молодежной политики, в части обоснования и выработки управленческих решений, направленных на удержание и закрепление молодежи на Севере.

Ключевые слова: молодежь; территориальная идентичность; Арктическая зона России; северная идентичность; арктическая идентичность; маркеры идентичности; миграционные установки.

Для цитирования: Симакова А.В., Аверьянов А.О., Степутьев И.С., Хотеева Е.А. Северная идентичность как фактор сдерживания миграционных установок молодежи Арктической зоны России // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 25–46. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.2](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.2) EDN: JUONVY

Введение

Важность изучения территориальной идентичности как феномена социального сознания населения заключается в ее ресурсной составляющей социокультурного и экономического развития территорий. Сегодня переосмысление элементов российской культуры через «северное измерение» важно в контексте «северного поворота» в геоэкономической стратегии развития России [21, с. 46]. В русле развития и нового освоения арктических территорий содержание «северной» и «арктической» идентичностей необходимо раскрыть предметнее, обратив внимание на их потенциально сдерживающую функцию по привлечению и закреплению населения в Арктической зоне Российской Федерации (далее — АЗ РФ) [5, с. 44]. Геостратегическое и социально-экономическое развитие территорий АЗ РФ осуществляется в условиях активных депопуляционных и отрицательных миграционных тенденций, особенно среди наиболее активной социальной группы — молодежи.

Сами смысловые конструкты «Север» и «Арктика», их сходие и особенные черты широко обсуждаются в научной и художественной литературе с различных точек зрения. В настоящем исследовании внимание обращается на их роль в формировании особой социальной идентичности — территориальной², интерпретируемой как «конструирование “места” данного социума в окружающем мире. Результат этого процесса репрезентируется через привязку социума к конкретному месту в социогеографическом пространстве» [9, с. 152], через восприятие индивидом себя как «члена территориальной общности». Данный подход основан на концепции А. Пааси о субъективной и объективной региональной идентичности, в рамках которой первая понимается как принадлежность индивида или группы к определенному месту [36]. То есть его личная, но не обязательно фактическая приверженность территории. В отечественных исследованиях встречается разграничение внешней и внутренней региональной идентификации по отношению к индивиду. Например, по мнению Ереминой, «суть внутренней идентификации заключается в самостоятельном рефлексивном установлении и присвоении субъектом (жителями региона) собственных социальных свойств и особенностей региона (исторических, политических, экономических, культурных и др.)» [7]. В данном исследовании раскроем именно внутреннюю (субъективную) сторону территориальной идентичности.

² Термин «территориальная идентичность» используется нами как синоним термина «региональная идентичность», поскольку в данном случае речь идет о макрорегионе — Арктической зоне России.

Отметим, что северная и арктическая идентичности являются видовыми понятиями территориальной идентичности: «границы Севера шире границ Арктической зоны, а географически Арктическая зона входит в зону Севера» [17, с. 109]. Смысловой конструкт «северная идентичность» шире, чем «арктическая идентичность», а последняя входит в первую, поэтому можно столкнуться со смешением данных категорий. При этом распространенная в общественном дискурсе и сознании категория «Русский Север» утратила строго топонимическое значение [29, с. 149], став культурно-историческим регионом, хотя границы северных территорий формально определены Постановлением Правительства РФ № 1946 от 16 ноября 2021 г. Поскольку рамки исследования все-таки территориально ограничены арктическими (и одновременно северными) территориями, в измерении идентичности важна привязка к формированию эмоциональной связи с местом проживания. Как отмечает Ш. Шамай, «местоположение само по себе не является достаточным условием для формирования чувства места. Для того чтобы чувство места и привязанность к нему возникли, необходимо длительное и глубокое переживание места и желательное вовлеченность в это место» [38, с. 468]. В международных исследованиях при изучении территориальной (региональной) идентичности авторы опираются на категорию «привязанность к месту», или «чувство места», которая предполагает сочетание физического и социального/личного восприятия территории в совокупности, измеряя уровень привязанности к месту проживания [38; 37]. Как отмечает Н. Кирк, именно для населения северных территорий характерно «обостренное чувство места», и в работе подчеркивается «случайная, изменчивая и неоднозначная природа “северности”» [35], требующая отдельного внимания. Необходимо отметить, что в международных исследованиях речь чаще идет о понятии «привязанность к месту», чем о системном понятии территориальной идентичности в совокупности с субъективной привязанностью личности, атрибутировании социального пространства через социально-культурные, исторические, этнические и другие аспекты, то есть присутствует более широкое рассмотрение. Социальный анализ концепта «идентичности», предложенный Э.А. Орловой, позволил очертить границы данного исследования, в котором основными аспектами изучения проявлений идентичности как социального феномена будут «результат процесса идентификации» и «особый культурный маркер» [19, с. 109]. «“Идентичность” — это не свойство индивида, группы, сообщества, а некое субъективное отношение индивидов к самим себе» [3, с. 319], формируемое под воздействием внешних факторов — социально-культурной среды, социально-политической ситуации и т. д.

Таким образом, цель исследования — выявление социокультурных маркеров территориальной идентичности у молодежи АЗ РФ в качестве определяющих признаков самоидентификации молодых людей как «жителей Севера и Арктики» в рамках конструирования территориальной идентичности локального сообщества. В задачи исследования входит поэтапное раскрытие изучаемого феномена, которое заключается, во-первых, в выявлении самого факта осознания молодыми людьми себя жителями Севера и Арктики; во-вторых, в определении наличия и классификации в их сознании маркеров, конструирующих территориальную идентичность, то есть выявление культурно-исторических координат, которые определяют самоидентификацию молодежи с Севером и Арктикой; в-третьих, в поиске ответа на вопрос: сформировались ли северная и арктическая идентичности и сдерживают ли они миграционные установки молодежи АЗ РФ?

Проблемное поле исследования

Изучение территориальной идентичности распространено в контексте рассмотрения национальной и этнической идентичностей. Однако отдельно выделяется тематика исследований именно северной идентичности и в меньшей степени суженного ее варианта — арктической идентичности. Особое внимание следует обратить на современные работы, оказавшиеся в поле нашего зрения при погружении в тематику территориальной идентичности в преломлении к территориям АЗ РФ.

Ю.П. Шабает отмечает, что «северная идентичность является прочной региональной идентичностью», и этот социальный феномен не связан напрямую только с этнической идентичностью (исключительно коренными народами Севера), а в большей мере имеет гражданский характер [30, с. 61–62]. При этом автор уделил пристальное внимание территориям Европейского Севера России, в массовом сознании населения которого Север предстает как «Родина, особая часть страны... и всякий человек, чья судьба связана с Севером, может считать себя “северянином”» [30], то есть Север выступает здесь культурным макрорегионом, образ которого укоренился в массовом сознании.

Е.В. Недосека и Г.В. Жигунова охарактеризовали символическое пространство формирования локальной идентичности (как части территориальной) на примере Мурманской области. Эта идентичность выражается в «местном патриотизме», привязанности к малой Родине, климату и досуговым северным практикам [18, с. 132], потенциально выступающим в том числе в качестве сдерживающих факторов миграционной активности. Выраженность локальной связи и территориальной идентичности жителей северного региона определяется материальным фактором: «Север — место приобретения благ и повышения благосостояния». А.Д. Каргин, исследуя эмоциональный окрас территориальной идентичности в высказываниях молодежи Кольского Севера, пришел к выводу, что она в равной степени характеризуется в позитивном и негативном аспектах [13], в ключе низкой привлекательности региона проживания с точки зрения инфраструктурных и социально-досуговых возможностей и практик северных территорий. В указанных исследованиях ученых Мурманской области речь шла о территориальной идентичности без разделения ее на северную или арктическую.

Исследуя мобильность молодых жителей российского Севера, А. Болотова, А. Карасева и В. Васильева выявили, что она «оказывает влияние на их чувство места» [33]. При этом само это чувство места и миграционный опыт, по мнению авторов, взаимно определяют друг друга. Конкретное взаимодействие этих связей создается многими факторами и зависит от местного контекста [6], то есть необходимо обращать внимание не только на эмоциональную привязанность, но и на локальные условия формирования идентичности. Для жителей Севера характерна высокая мобильность, но также и привязанность к месту рождения, что в исследовании О.В. Змеевой аргументировано фактом «взаимодействия с родственниками и периодическим возвращением на Родину» [11].

Проблематика разделения северной и арктической идентичностей в сознании молодежи северных регионов показана в исследовании Д.Н. Филипповой, согласно которому большая часть обучающейся в арктических университетах молодежи счита-

ет себя прежде всего «северянами, а не жителями Арктики» [27]. Также исследование САФУ им. М.В. Ломоносова показывает, что только треть студентов, проживающих в Арктике, знают о том, что территории, на которых они живут и учатся, входят в состав АЗ РФ [8, с. 240] (на момент исследования 2018 г.). Однако нельзя не упомянуть использование «поморского фактора при формировании модели региональной идентичности на основе продвижения этнокультурного бренда “Поморье”» [16, с. 177] в контексте формирования «арктической повестки» в Архангельской области. Исследование М.В. Юрковой в поиске «арктического аспекта» региональной идентичности у жителей Архангельской области также показало, что пока «идея связи региона с Арктикой не оправдала себя» [32, с. 169]. Возможно, «арктическая идентичность» у молодежи еще не сформировалась по причине того, что «арктическая тематика» стала продвигаться не так давно, а лишь с подъемом государственного интереса к этим территориям и принятием основных нормативно-правовых актов (с 2014 г.) по их геостратегическому развитию³.

В локальном пространстве Севера при изучении территориальной идентичности и форм ее проявления нельзя не упомянуть о связи с этнической идентичностью, так как часть северных территорий, в том числе АЗ РФ, являются местами традиционного проживания и ведения хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее — КМНС). Философский взгляд на формирование основ арктической идентичности представлен в работах У.А. Винокуровой — автора концепции «арктической циркумполярной цивилизации», которая отмечает способность народов Арктики (особенно представителей КМНС) «упорно сохранять четкое осознание культурной идентичности, поддерживаемой природно-климатическими особенностями региона» [4, с. 285]. В контексте развития этого теоретического направления С.В. Шачин предложил методологию формирования понятия «арктическая идентичность», которая проявляется в способности человека «иначе воспринимать пространство и извлекать из него информацию в интуитивной форме». Автор надеется, что «северная идентичность окажет влияние на процесс формирования новой идентичности человечества в целом: человечество в чем-то станет северным, а Север будет становиться все более универсальным» [31, с. 128]. В этих размышлениях северная и арктическая идентичности используются в качестве синонимичных понятий. М.А. Уксусов, опираясь на логико-философский подход, обосновывает необходимость выделения «молодежи Арктики» как социально-групповой общности, а не только как демографической категории. Автор предлагает рассматривать «идентичность, основанную на осознании различных аспектов арктической проблематики в сравнении с другими территориями, а также на понимании ее роли в глобальной повестке» [26, с. 13–14], то есть обратить внимание на экономическую и политическую роль арктических территорий. У предложенной тематики есть потенциал эмпирической проверки.

О.В. Осипова и Е.Г. Маклашова, изучая северную идентичность среди «коренных» и «некоренных народов» на примере Республики Саха (Якутия), отмечают, что проводимая политика классифицирующего мышления (как наследие

³ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации см.: Указ Президента Российской Федерации № 296 от 02.05.2014 (с измен. и доп. от 05.03.2020 г. № 164).

советской национальной политики) оказывает влияние на самоидентификацию молодежи. При рассмотрении конструкторов национальной, территориальной и гражданской идентичностей авторы пришли к выводу, что северная идентичность важна для представителей КМНС, а территориальная — больше для титульного этноса региона [20, с. 143]. Здесь важно учесть тот факт, что вся территория Якутии относится к Крайнему Северу и только часть — к АЗ РФ, где и проживают КМНС. При этом территория выступает важным фактором идентификации населения, особенно молодого поколения [12]. Эти авторы в своих исследованиях используют только категорию «северная идентичность».

Продолжая рассуждения об идентичности молодых представителей КМНС, С.А. Тулаева и коллеги отмечают, что ее конструирование и поддержание сегодня выражаются двояко: молодые люди, с одной стороны, активно поддерживают связь со своей традиционной культурой, а с другой — ориентируются на современный стиль жизни. Адаптация традиционной культуры к современной жизни для молодежи осуществляется посредством стратегий «баланса жизни», где она выступает в роли «проводника», «глобального кочевника» и субъекта «связи параллельных миров» [25, с. 178–179]. В данном исследовании речь идет о территориальной идентичности народов Севера, проявляющейся в форме этнической идентичности как сохранении традиционного образа жизни и/или его элементов, смешении традиций народов Севера. Арктическая идентичность «не всегда проявляется открыто», а ее проявление становится «ответом на вызовы: экономические потрясения, последовавшие за распадом советского государства, и растущие экологические проблемы в северном регионе» [34].

Таким образом, рассуждая о северной и арктической идентичностях как видах территориальной идентичности, необходимо отметить, что представление об этом явлении неоднозначно не только в сознании населения, проживающего на рассматриваемой территории, но и в научном сообществе. В ряде исследований встречается смешение категорий «северная идентичность» и «арктическая идентичность», когда они используются как синонимичные понятия. В большей части исследований эти категории рассматриваются как видовые понятия, где «северная» идентичность в смысловом аспекте шире арктической по социально-географическому критерию.

Авторы исследований обращают внимание на этническое и гражданское проявления составляющей арктической идентичности и условия формирования именно северной идентичности как ранее сложившейся исторически и привязанной к конкретным социогеографическим границам. При этом рассмотрение социокультурных маркеров северной и арктической идентичностей в качестве потенциально сдерживающих факторов миграционных установок молодежи применительно к АЗ РФ⁴ как к особому макрорегиону не проводилось, встречаются только отдельные фрагментарные локальные исследования.

⁴ В исследовании речь пойдет о девяти регионах АЗ РФ, из которых четыре входят в АЗ РФ полностью по территориальному признаку (Мурманская область, Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО) и пять — частично (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Республика Саха (Якутия), Красноярский край). В последних регионах исследование проводилось только на их «арктической» части.

Методология исследования

Теоретическая часть исследования базируется на социально-конструктивистском подходе, в соответствии с которым «идентичность» выступает конструирующим основанием социальной группы с его категориальной позицией «идентификации по принадлежности к классу людей с общими категориальными атрибутами» [2] и рассматривается как «культурно-историческая память, социальный ресурс или результат социализации» [24, с. 136]. Это позволяет по-новому взглянуть на формирование территориальной идентичности. Как показали предшествующие исследования, сугубо арктическая идентичность в явном виде еще не выделилась из северной, но в социальном пространстве арктических территорий существует отдельная социальная группа — «северяне», включающая не только представителей КМНС, но и родившихся или укorenившихся на Севере россиян. Социальный конструкт «северяне» в рамках данного исследования выделяется на основе самоидентификации молодежи, проживающей на территории АЗ РФ, и «социокультурных маркеров идентичности» (табл. 1), заложенных в инструментарий исследования. Сочетание маркеров идентичности установлено путем факторного анализа данных социологического опроса молодежи АЗ РФ двух измерений (вопросов): «быть северянином» и «чувство гордости и сопричастности»⁵. Измерение «быть северянином» позволяет молодежи атрибутировать свое отношение через характеристики эмоциональной и ментальной связи, приверженности и самого факта рождения на Севере / в АЗ РФ. Измерение «чувство гордости и сопричастности» через выявленные популярные образы о Севере и Арктике у местного населения [22, с. 243–244] позволяет определить социокультурный аспект идентификации молодежи с Севером и Арктикой в частности.

Эмпирическая часть исследования базируется на социологическом опросе молодежи, проживающей на момент исследования в АЗ РФ⁶. Всего выборка составила 8583 респондента в возрасте 16–35 лет. Опрос проведен в конце 2022 г. во всех городах и районах субъектов АЗ РФ, включая закрытые административно-территориальные образования Мурманской области. Выборочная совокупность формировалась отдельно по каждому арктическому региону с пропорциональным соблюдением представительности респондентов по возрасту и полу в соответствии с генеральной совокупностью. Выводы данного исследования сформированы в целом для АЗ РФ. Для получения релевантной информации о территориальной идентичности из реализованной выборочной совокупности произведена подвыборка «коренной молодежи»: тех, кто родился и вырос в АЗ РФ, или чьи родители переехали в АЗ РФ, когда респондент был ребенком, или он проживает на территории АЗ РФ более 10 лет — всего 6942 человека (табл. 2).

⁵ Проверка адекватности применения (данные по обоим измерениям): критерий сферичности Бартлетта для обоих измерений составил $< 0,00$, статистика меры адекватности выборки Кайзера — Мейера — Олкина — 0,61 и 0,62 соответственно. Методом главных компонент с использованием вращения varimax определено минимальное число факторов — главных компонент, вносящих наибольший вклад в дисперсию данных. Для первого измерения выявлены четыре фактора, объясняющих 58% полной дисперсии переменных, для второго измерения — пять факторов, объясняющих 50% полной дисперсии переменных.

⁶ Тип выборки: комбинированная, квотная на последнем этапе доступная. Предельная ошибка выборки по каждому субъекту АЗ РФ не превышает $\pm 5\%$, что показывает высокую доверительную вероятность проведенного исследования. Результаты опроса откорректированы в соответствии с долевыми значениями по полу и возрасту в генеральной совокупности с применением весовых коэффициентов из-за смещения выборки по полу в сторону преобладания женщин в возрастных группах 24–29 и 30–35 лет.

Таблица 1

**Маркеры территориальной идентичности и индикаторы ее выявления
в социологическом исследовании**

Измерение социокультурного маркера	Индикаторы	Маркеры идентичности
«Что, по Вашему мнению, означает “быть северянином”?»	в душе чувствовать связь с Севером; любить Север	эмоциональная связь
	знать историю родного края; знать культуру и традиции Севера	ментальная связь
	прожить на Севере всю свою жизнь; хотеть жить на Севере	приверженность
	относиться к числу КМНС; родиться на Севере	рождение на Севере
«Если говорить о чувстве гордости за Ваш регион, то чем Вы гордитесь?»	богатство и красота природы, история, традиции родного края	природно-исторический (традиционный)
	предприятия, известные на всю страну природные ресурсы, промышленность	экономический
	люди	особенности населения
	оборонные предприятия, флот, порты, пароходство	специализация
	достопримечательности, известные личности, земляки	культурный
	географическое положение, положение среди других регионов	подчеркнутая уникальность

Таблица 2

Выборочная совокупность исследования по субъектам АЗ РФ и возрастным группам, чел.

Территории АЗ РФ	Возрастная группа, лет				Всего	Численность населения ⁷	Доля проживающего в АЗ РФ населения, %
	16—18	19—23	24—29	30—35			
Субъекты, территории которых полностью входят в АЗ РФ							
Мурманская область	461	435	261	401	1 558	656 698	100
Ненецкий АО	78	89	16	21	204	41 283	
Ямало-Ненецкий АО	321	274	231	316	1 142	512 387	
Чукотский АО	95	84	21	25	225	47 840	
Субъекты, территории которых частично входят в АЗ РФ							
Республика Карелия	88	60	33	59	240	99 629	18,9
Архангельская область	377	521	395	624	1 917	578 580	52,6
Республика Коми	55	56	36	36	183	135 297	18,6
Республика Саха (Якутия)	42	19	35	33	129	64 282	6,4
Красноярский край	210	281	331	522	1 344	224 495	7,9
Всего	1 727	1 819	1 359	2 037	6 942	2 363 591	

Опрос проводился с использованием сервиса Google-forms с мониторинговым контролем соблюдения требований выборки на момент сбора данных и с ее последующим ремонтом. Отметим, что в реализованную выборку попали представители КМНС (на основе самоидентификации участников опроса) — 14,8% от общего числа респондентов. Обозначим, что эти респонденты находились на момент опроса вне мест традиционного проживания, в целом, возможно, ведут смешанный с традиционным образ жизни. Результаты исследования для этой категории респондентов интересны, но не репрезентируют эту социальную группу, поэтому будут представлены справочно и нуждаются в гипотетической проверке в исследованиях коллег, занимающихся темой более детально.

⁷ Этот показатель взят из таблицы «Оценка численности постоянного населения на 1 января текущего года и в среднем за предыдущий год», строка № п/п 67, см.: Арктическая зона Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Calendar1_2023.htm (дата обращения 11.01.2025).

В поисках северной идентичности

Первый шаг определения территориальной идентичности у молодежи АЗ РФ заключается в выявлении рефлексивной самооценки связанности с местом проживания — ответ на вопрос: «Считаете ли Вы себя или чувствуете себя жителем Севера / жителем Арктики?» (факт выбора на основе простых распределений). Самоидентификация молодых людей с Севером прослеживается более явно, нежели с Арктикой: 91,5% считают себя северянами, а 32,6% — жителями Арктики, но 35,9% от общего числа опрошенных считают себя жителями и Севера, и Арктики. Отметим, что сложившееся представление об образе Севера и Арктики у молодежи арктических регионов в большинстве оценок позитивное. На вопрос: «Если говорить об образе Севера и Арктики в целом, то в Вашем представлении он позитивный или негативный?» — 39,9% северян (по самоидентификации) ответили «позитивный» и еще 47,9% — «скорее позитивный». Негативное представление о Севере и Арктике сложилось у 12,2% респондентов-северян: 9,7% дали оценку «скорее негативный» и 2,5% — «негативный». Негативный оценочный фон сложившегося локального образа у молодежи косвенно может указывать на риски формирования «негативной идентичности» [38; 7], требующей отдельного рассмотрения.

Существенной разницы по измерениям «быть северянином» и «быть жителем Арктики» у молодых людей по рассматриваемым маркерам статистически не выявлено, это еще раз подтверждает, что пока арктическая идентичность еще устойчиво не оформлена в отдельный социальный феномен. Поэтому далее большее внимание уделим северной идентичности и маркерам ее проявления.

Одним из основных маркеров северной идентичности является географическая приверженность — «жить на Севере» (74,1% респондентов) и «родиться на Севере» (58,6%). Эмоциональная составляющая территориальной идентификации также проявлена в маркерах «любить Север» (46,7%) и «в душе чувствовать связь с Севером» (31,5%). Связь с культурно-историческим аспектом при формировании северной идентичности прослеживается в знании культуры и традиций Севера, истории родного края при необязательности воплощения их в современном жизненном укладе молодого поколения (каждый третий респондент выбрал эти варианты) (рис. 1). Для того чтобы быть и оставаться «северянином», идентифицировать себя с Севером, по мнению молодежи, не обязательно «прожить на Севере всю свою жизнь» — такой ответ выбрали только 26,8% опрошенных.

Формируемое «чувство места» у молодого поколения дает опору [10, с. 208], образует социальные признаки территории. При этом в эпоху повышения мобильности и стирания межрегиональных границ необходимо обратить внимание не только на сам факт проживания и нахождения на определенной территории, но и на чувство «социальной эмпатии» к месту рождения / длительного проживания.

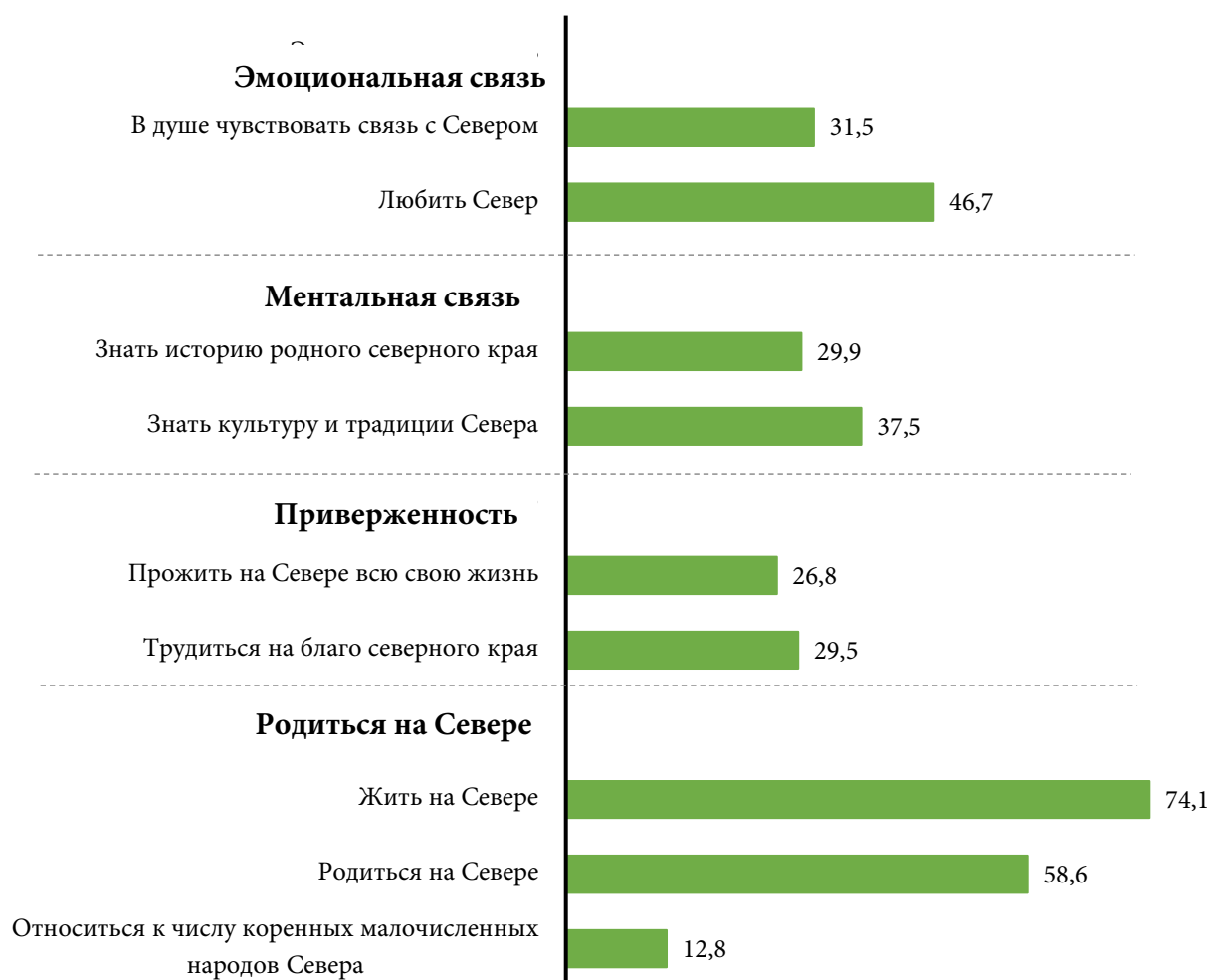

Рис. 1. Маркеры территориальной идентичности для измерения «быть северянином» (N = 6942), % от числа ответивших

Таким образом, территориальная — северная — идентичность является социокультурным аспектом становления и развития личности, эмоциональной связью с культурно-историческими традициями Севера, при которой фактическое длительное проживание человека на данных территориях не столь обязательно: *«Северянином может быть человек, который прожил на Севере много лет (не обязательно всю жизнь), но при этом сохранил или имеет духовную связь с Севером»*⁸. Респонденты подчеркивают свою связь с Севером и выстраивают на ней свою привязанность к этим территориям.

Культурно-исторические координаты северной идентичности обрисованы через измерение того, что вызывает чувство сопричастности и гордости у молодежи. Природно-исторический (традиционный) маркер северной идентичности проявлен активнее всего — ответ «богатство и красота природы» выбрали большинство респондентов (70,3%). Маркер ментальной связи проявляется в значимости для респондента истории родного края, ее знании (38,8%), осведомленности о северных традициях и приверженности им (27,9%), то есть в общих паттернах, связывающих поколения северян и их достижения (от освоения Севера и Арктики до настоящего

⁸ Женщина, 22 года, родилась и выросла в Мурманской области (г. Апатиты), оставила комментарий к своему ответу на вопрос.

времени), образ жизни и единство мышления: «...именно в Архангельске в XVIII веке был поднят флаг Российской Империи, под которым ходили корабли. Сейчас этот флаг является государственным флагом Российской Федерации»⁹.

Молодежь, определяя свою идентичность, часто ориентируется на социальную общность, окружение. Молодые люди считают проживающих на Севере «особенными людьми», разделяющими северные ценности, — гордятся населением своего региона 37,8% респондентов. «Быть северянином» приравнивается к тому, чтобы «*быть потомком людей, поколениями проживающих в северной зоне*»¹⁰. Этническая принадлежность и срок пребывания на Севере — не главное в формировании социального окружения северян. На эту тему В.П. Ключева так рассуждает о первом поколении мигрантов, приехавших осваивать Север и укоренившихся там: «*есть четкое представление, кто они такие, в чем уникальность тех территорий, где пришлось жить и работать*»¹¹. Также и у современной молодежи уже сформировалось представление о Севере и своем месте там.

Экономический маркер северной идентичности в сознании молодежи является весомым: молодые люди отметили, что природные ресурсы (43,9%), промышленность (19%), предприятия, известные на всю страну (22,8%), вызывают чувства гордости за свой регион и сопричастности к нему. Важной составляющей проявления северной идентичности выступает отсылка именно к уникальной экономической и политической специализации северных территорий — к северному флоту и пароходству (19,1%), к известным оборонным предприятиям (22,8%), вносящим вклад в геостратегическое развитие страны. В смысловом эквиваленте к этому аспекту близок маркер «подчеркнутой уникальности», проявляющийся у молодежи в меньшей степени, но мысли о глобальной роли этих территорий в масштабах страны укоренены в сознании через маркеры: *уникальное географическое положение Севера и Арктики* (гордятся 26,2%) и *положение среди других регионов* (выделяют 13,2% опрошенных). Эти маркеры свидетельствуют об осознании положения данных территорий и их роли в развитии страны, ее международного статуса.

Чувство гордости, вызываемое культурой и достопримечательностями Севера, проявлено в меньшей степени — только у 17,9% респондентов, но примерно каждый пятый молодой человек (21,4%) гордится известными земляками и выдающимися личностями, когда-либо проживавшими на Севере и внесшими вклад в его развитие.

В контексте общей содержательности маркеров северной идентичности важно определить уровень их проявленности у молодых людей. Наиболее проявлены маркеры эмоциональной и ментальной связи и фактического рождения на Севере; природно-исторический (традиционный) и экономический.

⁹ Мужчина, 19 лет, родился и вырос в Архангельске.

¹⁰ Мужчина, 27 лет, родился и вырос в Архангельской области (г. Северодвинск).

¹¹ Ключева В.П. Северная идентичность: как себя видят северяне и как их видят другие // GoArctic; Экспертный центр ПОРА. — URL: <https://goarctic.ru/news/severnaya-identichnost-kak-sebya-vidyat-severyane-i-kak-ikh-vidyat-drugie/> (дата обращения: 23.05.2024).

Для молодежи, причисляющей себя к какому-либо этносу, относящемуся к КМНС, определяющими маркерами северной идентичности стали: рождение и жизнь на Севере (66%)¹², приверженность культуре и традициям Севера (51,4%). Эти молодые люди также в большей степени гордятся богатством и красотой северной природы (78,3%), историей родного края (55,4%), природными ресурсами (45,6%) и традициями (48%), то есть тем, что определяет и выделяет их жизненный уклад на этих территориях, подчеркивает их уникальность.

Следует отметить некоторые отличия набора индикаторов по измерению «быть северянином» в регионах АЗ РФ. Молодежь всех арктических регионов в качестве основных (наибольшее количество выборов варианта ответа) указала индикаторы «родиться на Севере» и «жить на Севере» (в разном процентном отношении от количества ответивших по региону), исключение составляют лишь ответы молодежи из Республики Саха (Якутия), в которых были названы варианты «жить на Севере» (64,5% респондентов) и «знать культуру и традиции Севера» (63,7%).

Таким образом, молодежь, проживающая на территориях АЗ РФ, в большей степени ассоциирует себя с Севером, нежели с Арктикой. Приверженность Арктике проявлена меньше, так как «арктический дискурс» в обществе начал активно звучать лишь с новым подъемом государственного интереса к этим территориям и может стать потенциальным «символическим ресурсом» [15, с. 19] в их развитии. На данный момент можно говорить только об отдельных зарождающихся элементах формирования арктической идентичности, что также проявляется в чувстве принадлежности, эмоциональной сопричастности и эмпатии к территориям, но в контексте рассуждений об их геостратегической (политической) и экономической ролях. Итак, самоидентификация молодежи с Севером определяется через эмоциональную привязанность, культурно-историческую связь и принадлежность к сообществу северян. Именно эмоциональная связь с местом становится основой формирования территориальной идентичности северян, что подтверждают также результаты качественного исследования локальной идентичности молодежи на Русском Севере, проведенного Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ [28].

Влияние северной идентичности на миграционные установки молодежи

Влияние северной идентичности на миграционные установки молодежи АЗ РФ определено путем статистической проверки выявленных факторов (маркеров идентичности) и ответов на вопрос: «Хотели бы Вы переехать жить в другое место?» В целом миграционные установки молодежи АЗ РФ активны [23, с. 140], поэтому важно определить, вносит ли северная идентичность вклад в их сдерживание. Для установления такой взаимосвязи для каждого респондента было рассчитано количество маркеров идентичности, которое послужило основой для формирования наборов маркеров. В частности, были выделены группы: «1 из 4 маркеров», «2–3 из 4 маркеров» и т. п. с нарастающим итогом. Также была произведена группировка

¹² От числа респондентов, относящих себя к КМНС (N = 1026 чел.).

респондентов на две группы — с активной и с пассивной миграционной установкой. В дальнейшем для выявления статистически значимых различий в распределении числа респондентов с активной и с пассивной миграционной позицией в зависимости от набора маркеров идентичности на агрегированных данных был применен статистический критерий хи-квадрат, а также Z-тест для сравнения долей респондентов (с активной миграционной позицией) по группам.

Оба проверяемых измерения «быть северянином» и «гордость и сопричастность» за северные территории показали взаимосвязь между наличием набора соответствующих маркеров и установками остаться на Севере (в частности, на арктических территориях, где на момент опроса проживали респонденты) или покинуть его. Наличие хотя бы одного маркера в измерении «быть северянином» отмечено у большинства респондентов (99,4%). Если у молодежи проявлен только один маркер измерения «быть северянином», то установка остаться на Севере выражена у 25,8%. Доля желающих остаться увеличивается с ростом числа таких маркеров. Так, если проявлены два или три маркера, то хотят остаться уже 30,5%, а если проявлены все четыре маркера — 35,4% (рис. 2).

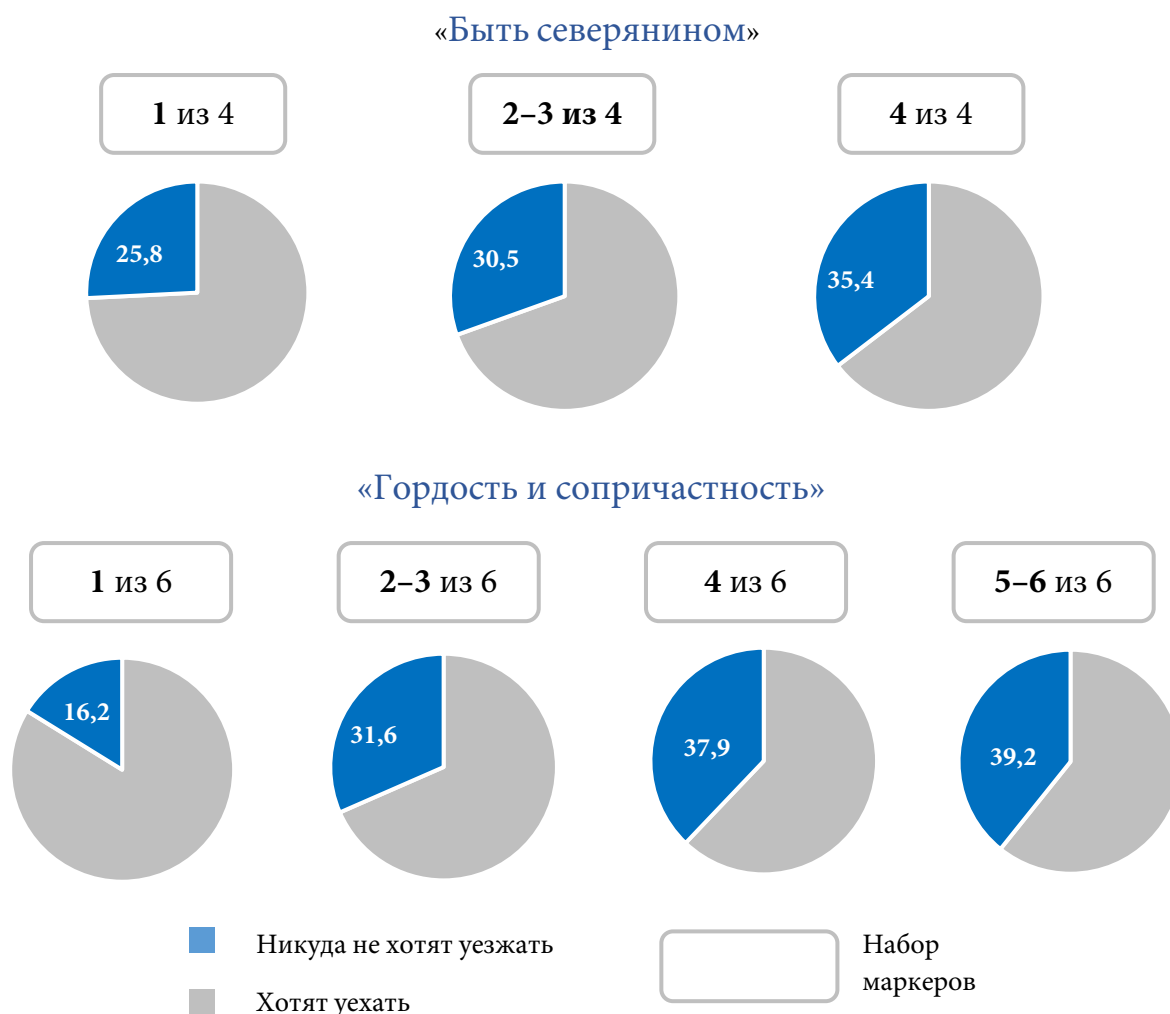

Рис. 2. Проявленность наборов маркеров северной идентичности и установка молодежи «остаться на Севере / в регионах АЗ РФ», % (за исключением тех респондентов, которые отнесли себя к представителям КМНС)

Та же взаимосвязь набора маркеров и миграционных установок прослеживается и по измерению «гордость и сопричастность», которое в какой-либо степени есть у большинства молодежи. Если проявлен только один маркер, то установка «остаться» есть лишь у 16,2%, но чем больше маркеров идентичности проявлено, тем большая доля тех, кто никуда не желает уезжать. Если проявлены два или три маркера, доля желающих остаться увеличивается до 31,6%, а если пять или все шесть маркеров — то до 39,2%. Данные различия являются статистически значимыми, значение *p-value* для всех тестов составило меньше 0,05.

Что касается представителей КМНС, то для них также с увеличением набора маркеров возрастает и желание остаться в регионе. Если проявлены все четыре маркера измерения «быть северянином», то никуда не хотят уезжать 39,7% молодежи из числа представителей КМНС, а если только один — то 25,7%. Если проявлены все шесть маркеров измерения «гордость и сопричастность», то остаться в регионе намерены 34,7% респондентов, а если только один — то лишь 18,4%.

Таким образом, чем больше маркеров северной идентичности у молодежи, чем активнее они проявлены и осознаются, тем больше у нее желания остаться на Севере и связать жизнь с этими территориями. Конечно, не только идентичность сдерживает миграционные установки молодых людей, но она выступает одним из факторов, который необходимо учитывать при разработке комплексных решений регулирования миграционной политики северных/арктических территорий.

Выводы и обсуждение

Территориальная идентичность у молодежи АЗ РФ проявлена. В основном прослеживается северная идентичность в ее социокультурном выражении: эмоциональной связи, социальной эмпатии, осознании культурно-исторической роли арктических территорий, осмысляемых прежде всего как северных, и восприятии себя как части сообщества северян. При этом нельзя сказать, что арктическая идентичность отсутствует. Скорее, она находится в стадии становления и особенно проявляется в осознании важности арктических территорий в развитии страны, то есть когда речь идет об экономической, геостратегической, политической роли этих территорий и о сопричастности к «чему-то великому и масштабному». Полагаем, что на данном этапе развития АЗ РФ происходит выделение арктической идентичности из более общей категории — северной, однако пока ее специфические критерии не проявились. Для этого требуются время и внимание к формированию «арктической повестки» со стороны всех акторов общественно-политической жизни. В текущем дискурсе чаще всего об Арктике идет речь в контексте развития экономики и бизнеса, а о Севере — как об уникальном социокультурном пространстве [14].

Наличие и проявленность маркеров северной идентичности потенциально оказывает влияние на миграционное решение молодежи. Однако, несмотря на активность миграционных установок, нельзя сказать, что молодые люди, покинув Север физически, потеряют с ним связь. На ментальном уровне эта связь сохранится, будет проявляться через сохранение элементов северной культуры, периодическое возвращение в места прежнего проживания, транслирование «северной

атрибутики» и социальной эмпатии к родным северным территориям. Северная идентичность — сложный концепт, который требует дальнейшего изучения в части остальных его составляющих маркеров, например таких, как экономический, политический и др.

По итогам проведенного исследования предлагаем развивать решения, направленные на укрепление территориальной идентичности молодежи, в виде уже успешно апробированных и устоявшихся социальных практик, которые зарекомендовали себя на отдельных территориях и являются узнаваемыми в масштабе всей страны (табл. 3).

Таблица 3

**Социальные практики, направленные на укрепление
социокультурных маркеров территориальной идентичности**

Направление	Реализуемая социальная практика	Поддержка
сохранение эмоциональной связи с Севером	Программа по возрождению Севера «На Севере жить» направлена не только на социально-экономическое развитие, но и на продвижение символического капитала региона	Губернатор Мурманской области
просвещение	«Дети Арктики» ¹³ — программа и интернет-портал о народах Севера и их жизни	Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики
возможность личного вклада в качество жизни территории	«Чистая Арктика» ¹⁴ — всероссийский экологический проект	ПАО «ГМК Норильский никель»; Госкорпорация «Росатом»
транслирование северных традиций и просвещение	Феномен якутского кино, транслирующего особенности жизни КМНС и людей, проживающих в удаленных уголках российского Севера	Глава Республики Саха (Якутия)
стимулирование возвратности образовательной миграции	«Ориентир: Ямал» — карьерное сопровождение студентов последних и предпоследних курсов, обучающихся в российских вузах, из числа медалистов ямальских школ до момента возвращения в регион и трудоустройства	Губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа

Региональная программа «На Севере жить» инициирована губернатором Мурманской области, в ней, помимо социально-экономических решений по привлечению населения, формируется устойчивый символический капитал региона,

¹³ Интернет-портал «Дети Арктики». — URL: <https://arctic-children.com/> (дата обращения: 03.06.2024).

¹⁴ Официальный сайт проекта «Чистая Арктика». — URL: <https://cleanarctic.ru/> (дата обращения: 03.06.2024).

активно поддерживаемый и транслируемый молодежью и за его пределами. Также существует феномен якутского кино, показывающий нарратив историй жизни этносов и мифов народов Севера [1], получивший признание и интерес публики на уровне не только своего региона, но и страны.

Укреплению формирования арктической идентичности способствуют набирающие популярность экономические стимулы привлечения и закрепления населения в АЗ РФ: «арктический гектар», «арктическая ипотека», статус «резидента АЗ РФ». Эти и другие успешные практики являются важными инструментами в формировании и укреплении территориальной идентичности, особенно в молодежной среде. Конструирование северной идентичности важно тем, что, даже покинув Север, молодежь будет транслировать его позитивный образ, который, в свою очередь, привлечет новых людей, в том числе мотивированных «арктическими экономическими стимулами».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Симакова Анна Васильевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет. **Телефон:** +7 (8142) 71-32-42. **Электронная почта:** simakova@petsu.ru

Аверьянов Александр Олегович — ведущий аналитик-программист, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет. **Телефон:** +7 (8142) 71-32-42. **Электронная почта:** aver@petsu.ru

Степуть Ирина Сергеевна — кандидат экономических наук, заместитель директора, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет. **Телефон:** +7 (8142) 71-32-42. **Электронная почта:** stepus@psu.karelia.ru

Хотеева Евгения Александровна — младший научный сотрудник, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет. **Телефон:** +7 (8142) 71-32-42. **Электронная почта:** ehoteeva@petsu.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 1. P. 25–46. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.1.2

Research Article

**ANNA V. SIMAKOVA¹, ALEXANDER O. AVERYANOV¹, IRINA S. STEPUS¹,
EVGENIA A. KHOTEEVA¹**

¹ Petrozavodsk State University.

33, Lenina av., 185910, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Russian Federation.

NORTHERN IDENTITY AS A FACTOR OF RESTRAINING YOUTH MIGRATION ATTITUDES IN THE RUSSIAN ARCTIC ZONE

Abstract. The article presents the results of an empirical study aimed at identifying socio-cultural markers of the northern and Arctic identity of young people living in Russia's Arctic region. The study looked into the manifestation of territorial identity markers as a potential deterrent factor in the migration attitudes of young people. Based on data from a representative sociological survey, the fact is established that territorial identity has indeed emerged. It is revealed that the northern identity is more pronounced, and the Arctic identity is moving towards becoming separate and independent from the northern identity. From there by means of factor analysis a set of ten identity markers for two dimensions is proposed: "being a northerner" and 2) "sense of pride and belonging". It was found that young people's self-association with the North

is determined through emotional attachment, cultural and historical connection and commitment to the community of northerners. The dependence of the expression of a set of socio-cultural markers of northern identity and migration attitudes of young people has been statistically substantiated. It is proven that the more markers are expressed, the more the attitude “I don’t want to go anywhere” is expressed. The scientific novelty of the study lies in empirically substantiating the significance of the northern identity as a variation of territorial identity as a deterrent factor in the migration attitudes of young people and identifying markers of its formation among young people in the Russian Arctic.

The results of the study will be of use to people in the scientific community, regional and state administration, public organizations and associations dealing with youth policy issues when it comes to justifying and developing policy decisions aimed at retaining and securing youth in the North.

Keywords: youth; territorial identity; Russian Arctic Zone; northern identity; Arctic identity; identity markers; migration attitudes.

For citation: Simakova, A.V., Averyanov, A.O., Stepus, I.S., Khoteeva, F.A. Northern Identity as a Factor of Restraining Youth Migration: Attitudes in the Russian Arctic Zone. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 25–46. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.2](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.2)

Acknowledgments. The research was carried out with the grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10148 “Motivational drivers in the dynamics of human resource flows in the Russian Arctic: trends, challenges, prospects”.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Simakova — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Petrozavodsk State University. **Phone:** +7 (8142) 71-32-42. **Email:** simakova@petsu.ru

Alexander O. Averyanov — Leading Analyst-Programmer, Petrozavodsk State University. **Phone:** +7 (8142) 71-32-42. **Email:** aver@petsu.ru

Irina S. Stepus — Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Petrozavodsk State University. **Phone:** +7 (8142) 71-32-42. **Email:** stepus@psu.karelia.ru

Evgenia A. Khoteeva — Junior Researcher, Petrozavodsk State University. **Phone:** +7 (8142) 71-32-42. **Email:** ehoteeva@petsu.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Аргылов Н.А., Охлопкова У.В.* Факторы формирования и развития регионального кино в России: якутский феномен // *Меди@льманах*. 2022. № 6. С. 107–117. DOI: [10.30547/mediaalmanah.6.2022.107117](https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2022.107117) EDN: [FAAWJA](https://www.edn.ru/FAAWJA)
Argylov N.A., Okhlopko U.V. Factors in the Formation and Development of Regional Cinema in Russia: The Yakut Phenomenon. *Medi@l'manakh*. 2022. No. 6. P. 107–117. DOI: [10.30547/mediaalmanah.6.2022.107117](https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2022.107117) (In Russ.)
2. *Брубейкер Р., Кунер Ф.* За пределами «идентичности». Brubaker R., Cooper F. Beyond Identity // *Theory A. Society*. Dordrecht, 2000. Vol. 29. No. 1. P. 1–47 // *Политическая наука*. 2005. № 3. С. 191–193. EDN: [HQTRDH](https://www.edn.ru/HQTRDH)
Brubaker R., Cooper F. Beyond Identity. *Theory A. Society*. Dordrecht, 2000. Vol. 29. No. 1. P. 1–47. *Politicheskaya nauka*. 2005. No. 3. P. 191–193. (In Russ.)
3. *Бутакова А.А., Портнягина М.Д.* Феномен «северная идентичность» и его влияние на современные международные отношения // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. 2020. № 22. С. 318–327. EDN: [BFXXAG](https://www.edn.ru/BFXXAG)
Butakova A.A., Portnyagina M.D. The Phenomenon of “Northern Identity” and its Impact on Modern International Relations. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy*. 2020. No. 22. P. 318–327. (In Russ.)
4. *Винокурова У.А.* Прогнозные сценарии арктической циркумполярной цивилизации // *Образование и право*. 2017. № 6. С. 277–289. EDN: [ZDGEUL](https://www.edn.ru/ZDGEUL)

- Vinokurova U.A. Forecast Scenarios of the Arctic Circumpolar Civilization. *Obrazovanie i pravo*. 2017. No. 6. P. 277–289. (In Russ.)
5. Волгин Н.А., Широкова Л.Н., Мосина Л.Л. Актуальные вопросы развития российского Севера: компенсационные и стимулирующие системы, направленные на привлечение и закрепление населения в северных и арктических регионах // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2. С. 34–46. DOI: [10.19181/1999-9836-2018-10013](https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10013) EDN: [XWEPDF](#)
- Volgin N.A., Shirokova L.N., Mosina L.L. Topical Questions of Developing the Russian North: Compensation and Incentive Systems Intended to Attract and Consolidate the Population in the Northern and Arctic Regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2018. No. 2. P. 34–46. DOI: [10.19181/1999-9836-2018-10013](https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10013) (In Russ.)
6. «Дети девяностых» в современной Российской Арктике: коллективная монография / А.А. Болотова, В.В. Васильева, Н.Б. Вахтин и др.; Отв. ред. Н. Вахтин, Ш. Дудек. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 431 с.
- “Children of the Nineties” in the Modern Russian Arctic: A Collective Monograph. Ed. by A.A. Bolotova, V.V. Vasil'eva, N.B. Vakhtin et al.; Ed. by N. Vakhtin, Sh. Dudek. Saint-Petersburg: Publ. House of EUSP, 2020. 431 p. (In Russ.)
7. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. 2011. № 3. С. 216–222. EDN: [OHLNCH](#)
- Eremina E.V. Regional Identity in the Context of Sociological Analysis. *Regionologiya*. 2011. No. 3. P. 216–222. (In Russ.)
8. Зайков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 230–247. DOI: [10.15838/esc.2018.3.57.15](https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15) EDN: [RVEVSX](#)
- Zaikov K.S., Katorin I.V., Tamitskii A.M. Migration Attitudes of the Students Enrolled in Arctic-Focused Higher Education Programs. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 230–247. DOI: [10.15838/esc.2018.3.57.15](https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15) (In Russ.)
9. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 151–163. EDN: [PFZSDX](#)
- Zamyatina N.Yu. Territorial Identities and Social Structures. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2012. No. 5. P. 151–163. (In Russ.)
10. Замятина Н.Ю., Пилисов А.Н. Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2018. — 395 с.
- Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. *Russian Arctic: Towards a New Understanding of Development Processes*. Moscow: URSS: LENAND publ., 2018. 395 p. (In Russ.)
11. Змеева О.В. «По дороге в отпуск»: жители Кольского Севера в других регионах России // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. № 2. С. 40–53. EDN: [PCQGIH](#)
- Zmeeva O.V. “On the Way to Vacation”: Kola North's People in other Russia's Regions. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*. 2010. No. 2. P. 40–53. (In Russ.)
12. Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: Итоги исследования в Якутии / В.Б. Игнатьева, О.В. Васильева, А.Г. Томаска и др. Новосибирск: Наука, 2022. — 272 с.
- Identity, Language and Culture of Youth of the Indigenous Minorities of the North: Results of a Study in Yakutia*. Ed. by V.B. Ignat'eva, O.V. Vasil'eva, A.G. Tomaska et al. Novosibirsk: Nauka publ., 2022. 272 p. (In Russ.)

13. Каргин А.Д. Позитивные и негативные факторы территориальной идентичности молодежи Кольского Севера // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2014. № 6. С. 236–240. EDN: [SFRMED](#)
Kargin A.D. Positive and Negative Factors of Territorial Identity of Youth of the Kola North. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*. 2014. No. 6. P. 236–240. (In Russ.)
14. Ковригина Г.Д. Территориальная идентичность в эпоху разрушения значимости пространства // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 208–212. EDN: [USNMZJ](#)
Kovrigina G.D. Territorial Identity in the Era of the Destruction of the Significance of Space. *Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke*. 2018. No. 9. P. 208–212. (In Russ.)
15. Корнилова Е.В. Арктика и Север: проблема концептуализации // Мир русского слова. 2023. № 2. С. 11–20. DOI: [10.21638/spbu30.2023.202](#) EDN: [CVYZRC](#)
Kornilova E.V. The Arctic and the North: The Problem of Conceptualization. *Mir russkogo slova*. 2023. No. 2. P. 11–20. DOI: [10.21638/spbu30.2023.202](#) (In Russ.)
16. Лукин Ю.Ф. Многоликая Арктика в потоке времени и смыслов. Архангельск: ИД им. В.Н. Булатова САФУ, 2019. — 241 с. EDN: [VDTZVZ](#)
Lukin Yu.F. *The Many Faces of the Arctic in the Flow of Time and Meanings*. Arkhangelsk: ID im. V.N. Bulatova SAFU publ., 2019. 241 p. (In Russ.)
17. Мельничук О.А., Павлов С.С. «Северность», «воображаемое Севера» или «концептосфера арктического дискурса»? // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 106–130. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130](#) EDN: [IZYWO](#)
Mel'nychuk O.A., Pavlov S.S. “Nordicity”, “Imagined North” or “Concept Sphere of Arctic Discourse”? *Nauchnyi dialog*. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 106–130. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130](#) (In Russ.)
18. Недосека Е.В., Жигунова Г.В. Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 118–133. DOI: [10.17238/issn2221-2698.2019.37.118](#) EDN: [FRJSNK](#)
Nedoseka E.V., Zhigunova G.V. Features of Local Identity of Single-Industry Town Residents (The Case of The Murmansk Oblast). *Arktika i Sever*. 2019. No. 37. P. 118–133. DOI: [10.17238/issn2221-2698.2019.37.118](#) (In Russ.)
19. Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 87–111. EDN: [XCWAXE](#)
Orlova E.A. Concepts of Identity/Identification in Socio-Scientific Knowledge. *Voprosy sotsial'noi teorii*. 2010. Vol. 4. P. 87–111. (In Russ.)
20. Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Идентичность молодежи Арктики // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 139–144. EDN: [TUHQYD](#)
Osipova O.V., Maklashova E.G. Ethnic Identities of Arctic Youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 5. P. 139–144. (In Russ.)
21. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Северная идентичность России // Регион: экономика и социология. 2013. № 2. С. 37–47.
Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. Northern Identity of Russia. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 2013. No. 2. P. 37–47. (In Russ.)

22. Симакова А.В., Степуть И.С. Образ российской Арктики на современном этапе развития: романтика или прагматика? // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 234–261. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2022.49.234](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.234) EDN: [RKMQDQ](#)
Simakova A.V., Stepus' I.S. The Russian Arctic Image at the Present Stage of Development: Romance or Pragmatism? *Arktika i Sever*. 2022. No. 49. P. 234–261. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2022.49.234](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.234) (In Russ.)
23. Симакова А.В., Хотеева Е.А., Степуть И.С., Аверьянов А.О. Региональный аспект миграционных установок молодежи в российской Арктике // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 1. С. 136–152. DOI: [10.24412/1561-7785-2024-1-136-152](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-136-152) EDN: [CQTIQX](#)
Simakova A.V., Khoteeva E.A., Stepus' I.S., Aver'yanov A.O. Regional Aspect of Youth Migration Attitudes in the Russian Arctic. *Narodonaselenie*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 136–152. DOI: [10.24412/1561-7785-2024-1-136-152](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-136-152) (In Russ.)
24. Ткаченко М.Р. Социальная идентичность и жизненная стратегия: соотношение понятий в структурализме и социальном конструктивизме // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 3. С. 125–139. DOI: [10.12731/2218-7405-2017-3-125-139](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-3-125-139) EDN: [YLFBOX](#)
Tkachenko M.R. Social Identity and Life Strategy: The Relationship Between the Concepts in Structuralism and Social Constructivism. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 125–139. DOI: [10.12731/2218-7405-2017-3-125-139](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-3-125-139) (In Russ.)
25. Тулаева С.А., Гладун Е.Ф., Захарова О.В. Молодежь коренных малочисленных народов Севера: стратегии конструирования идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 1. С. 168–189. DOI: [10.31119/jssa.2022.25.1.6](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.6) EDN: [LKLQOI](#)
Tulaeva S.A., Gladun E.F., Zakharova O.V. Northern Indigenous Youth: Identity Construction Strategies. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 168–189. DOI: [10.31119/jssa.2022.25.1.6](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.6) (In Russ.)
26. Уксусов М.А. Молодежь Арктики — категория дискурса, статистики и идентичности // Социальное пространство: сетевое издание. 2022. Т. 8. № 4 [электронный ресурс]. Дата обращения 20.10.2024. URL: <http://sa.isert-ran.ru/article/29471> DOI: [10.15838/sa.2022.4.36.4](https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.4) EDN: [WZIHML](#)
Uksusov M.A. The Arctic Youth — a Category of Discourse, Statistics, and Identity. *Sotsial'noe prostranstvo: setevoe izdanie*. 2022. Vol. 8. No. 4. Accessed 20.10.2024. URL: <http://sa.isert-ran.ru/article/29471> DOI: [10.15838/sa.2022.4.36.4](https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.4) (In Russ.)
27. Филиппова Д.Н. К вопросу арктической идентичности студентов университетов Арктики // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 6. С. 73–79. DOI: [10.24158/spp.2020.6.11](https://doi.org/10.24158/spp.2020.6.11) EDN: [SSJIIG](#)
Filippova D.N. To the Arctic Identity Students of Arctic Universities. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2020. No. 6. P. 73–79. DOI: [10.24158/spp.2020.6.11](https://doi.org/10.24158/spp.2020.6.11) (In Russ.)
28. Чернышева Н.С., Андреева А.С., Кузинер Е.Н. Переосмысляя локальные идентичности на Русском Севере: молодежь в поисках чистоты // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 136–145. DOI: [10.31857/S013216250029343-0](https://doi.org/10.31857/S013216250029343-0) EDN: [ZXFNMC](#)
Chernysheva N.S., Andreeva A.S., Kuziner E.N. Rethinking Local Identities in the Russian North: Youth Seeking Purity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 12. P. 136–145. DOI: [10.31857/S013216250029343-0](https://doi.org/10.31857/S013216250029343-0) (In Russ.)
29. Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. Социология. Этнология. 2012. № 4. С. 143–153. EDN: [PEBAVX](#)

- Shabaev Yu.P., Zherebtsov I.L., Zhuravlev P.S. "The Russian North": Cultural Borders and Cultural Meanings. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2012. No. 4. P. 143–153. (In Russ.)
30. Шабает Ю.П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 54–63. EDN: [NRATSH](#)
Shabaev Yu.P. Peoples of the European North of Russia: Position, Specific Identity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. No. 2. P. 54–63. (In Russ.)
31. Шачин С.В. К вопросу об арктической идентичности: анализ истории Севера и его современности с позиции диалектической методологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 121–131. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2019.6.121](#) EDN: [HYCYFF](#)
Shachin S.V. On Arctic Identity: An Analysis of the History of the North and its Present from the Position of Dialectical Methodology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsiologicheskie nauki*. 2019. No. 6. P. 121–131. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2019.6.121](#) (In Russ.)
32. Юркова М.В. Арктический аспект формирования региональной идентичности жителей Архангельской области // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 163–171. DOI: [10.17223/22220836/29/15](#) EDN: [YTYZSD](#)
Yurkova M.V. Arctic Aspect of the Arkhangelsk Region Inhabitants Identity Formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 2018. No. 29. P. 163–171. DOI: [10.17223/22220836/29/15](#) (In Russ.)
33. Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V. Mobility and Sense of Place among Youth in the Russian Arctic. *Sibirica*. 2017. Vol. 16. No. 3. P. 77–123. DOI: [10.3167/sib.2017.160305](#)
34. Burnasheva D. Arctic Identity: Between Frontier and Homeland. *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2019. Vol. 58. No. 4. P. 271–307. DOI: [10.1080/10611959.2019.1786978](#)
35. Kirk N. *Northern Identities: Historical Interpretations of "the North" and "Northernness"*. L.: Routledge, 2000. 256 p. DOI: [10.4324/9781315247854](#)
36. Paasi A. Region and Place: Regional Identity in Question. *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 475–485.
37. Proshansky H.M., Fabian A. K., Kaminoff R. Place-identity. *The People, Place and Space Reader*. Ed. by J.J. Gieseking, W. Mangold, C. Katz, S. Low, S. Saegert. L.: Routledge, 2014. P. 77–81.
38. Shamai S., Ilatov Z. Measuring Sense of Place: Methodological Aspects. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. 2005. Vol. 96. No. 5. P. 467–476.

Статья поступила в редакцию: 27.06.2024; поступила после рецензирования и доработки: 03.09.2024; принята к публикации: 15.09.2024.

Received: 27.06.2024; revised after review: 03.09.2024; accepted for publication: 15.09.2024.